

На правах рукописи

Серов Дмитрий Олегович

**ФИСКАЛЬСКАЯ СЛУЖБА И ПРОКУРАТУРА РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург, 2010

Работа выполнена на кафедре истории России государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский Государственный университет им. А. М. Горького»

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Анисимов Евгений Викторович

доктор исторических наук, профессор

Каменский Александр Борисович

доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Кошелева Ольга Евгеньевна

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва

Защита состоится 26 ноября 2010 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский Государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «___» _____ 2010 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор исторических наук,

доцент..... Л. Н. Мазур

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования в целом обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с функционированием национальной системы контрольно-надзорных органов. Неоспоримо, что без эффективного функционирования системы названных органов, механизма государственного контроля и надзора невозможно ни гарантировать права, свободы и законные интересы граждан, ни закрепить ценности демократического правового государства, ни обеспечить стабильность государственного устройства, ни в целом обеспечить режим законности в стране. Столь же очевидно, что в условиях неостановимого развития общества (особенно динамичного в современный период) надлежащая эффективность функционирования контрольно-надзорных органов может быть обеспечена только при условии постоянного совершенствования как их организации, так и процедур реализации их полномочий.

В этой связи особенную значимость приобретает изучение истории складывания национальной системы контрольно-надзорных органов, генезиса и эволюции институциональных форм и процедур государственного контроля и надзора. При всем том, что, как общеизвестно, любой вышестоящий орган власти всегда осуществляет в той или иной форме контроль за нижестоящим органом, специализированные контрольно-надзорные органы возникают уже на более поздних стадиях развития государства. Всесторонние разыскания касательно обстоятельств формирования системы названных органов позволяют, с одной стороны, приблизиться к пониманию глубинных закономерностей развития национального механизма контроля и надзора, а с другой – к пониманию закономерностей в достижении как позитивных, так и негативных результатов деятельности этого механизма.

Без выявления отмеченных закономерностей затруднительно выработать в полной мере оптимальную стратегию дальнейшего развития как государственного строительства России в целом, так и механизма государственного контроля и надзора в частности. Малоэффективные контроль и надзор в современных условиях губительны для любого государства, особенно для России. Выстроить же подлинно эффективный – как по организации, так и по процедурам – механизм контроля и надзора невозможно без учета исторического опыта. Поэтому исторический опыт построения и функционирования отечественной системы контрольно-надзорных органов заслу-

живает сколь глубже быть исследованным учеными, столь и шире быть востребованным законодателем.

Обращение в рамках настоящего диссертационного исследования к истории фискальской службы и прокуратуры обусловлено тем, что именно они явились первыми в истории отечественной государственности специализированными органами надзора за соблюдением законности. И если основанная в 1711 г. фискальская служба России просуществовала неполных два десятилетия, то учрежденная в 1722 г. прокуратура – единственный из органов власти, созданных Петром I – сохранилась до настоящего времени. О значимости места, которое прокуратура занимает в современном государственном аппарате, исчерпывающе свидетельствует тот факт, что основные принципы построения прокуратуры нашли закрепление в действующей Конституции Российской Федерации.

«Учреждения, как и люди, имеют свою судьбу, – образно и точно отметил более века назад профессор Императорского Юрьевского университета А. Н. Филиппов: они знают светлые и черные дни, переживают времена славы и унижения»¹. В этом смысле «судьба» фискальской службы и начальный этап «судьбы» прокуратуры образуют своего рода призму, посредством которой становится возможным уяснить многие существенные закономерности развития отечественного механизма государственного контроля и надзора. Без систематического исследования обстоятельств возникновения и функционирования названных органов в первой трети XVIII в. в принципе невозможно составить сколько-нибудь целостную картину исторического развития системы контрольно-надзорных органов России.

Поэтому представляется очевидным, что при осуществлении в XXI в. дальнейших изменений как в системе контрольно-надзорных органов России в целом, так и в системе органов прокуратуры в частности было бы целесообразным принимать во внимание обстоятельства возникновения и первоначального развития прокуратуры и ее непосредственной предшественницы – фискальской службы. Опыт начального функционирования первых отечественных органов надзора целесообразно учитывать также при разрешении вопросов о формах взаимодействия контрольно-надзорных органов с правоохранительными и судебными органами, об объеме властных полномо-

¹ *Филиппов А. Н.* История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев, 1895. Ч. 1. С. IX.

чий контрольно-надзорных органов, а также вопроса о мере учета зарубежных образцов в организации контрольно-надзорных органов.

Степень научной разработанности темы исследования. История фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в. начала целенаправленно изучаться еще полтора века назад, в 1860-е гг. К настоящему времени, благодаря усилиям нескольких поколений исследователей, и история фискальской службы, и ранняя история прокуратуры оказались изучены хотя и сравнительно подробно, но неравномерно и нецелостно.

Прежде всего, необходимо отметить, что до настоящего времени ни в России, ни за рубежом так и не появилось ни единого ни диссертационного, ни монографического исследования, специально посвященного истории фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в. Внесшие максимальный вклад в изучение темы историки В. И. Веретенников и Н. В. Платонова и правовед С. М. Казанцев затронули соответствующие вопросы либо обособленно (преимущественно осветив или раннюю историю прокуратуры, или историю фискальской службы), либо в рамках исследований на более общие темы. Ряд существенных аспектов истории возникновения и функционирования фискальской службы и прокуратуры либо вообще не рассматривались предшествующими авторами, либо характеризовались фрагментарно и поверхностно.

Что касается наиболее очевидных пробелов в изучении истории фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в., то к таковым следует отнести, в первую очередь, следующие вопросы: об объективных и субъективных предпосылках возникновения данных органов, о взаимодействии фискальской службы с судебными органами и «майорскими» канцеляриями, о функционировании фискальской службы под ведением Юстиц-коллегии, о кадровом составе прокуратуры 1722–1727 гг., о деятельности прокуратур коллегий и надворных судов, о конкретных результатах надзорной деятельности генерал-прокуратуры. Не получил никакого освещения в литературе существенный сюжет о деятельности генерал-прокуратуры в 1722–1723 гг. как органа предварительного расследования – что имело также важное значение для развития следственного аппарата России.

Предшествующими авторами не был даже в общем виде поставлен вопрос о сопоставлении персональных характеристик прокуроров и руководящих должностных

лиц поднадзорных им органов власти, без чего невозможно в полной мере оценить эффективность и потенциал российского прокурорского надзора 1720-х гг. Остались без всякого рассмотрения в литературе такие важные для истории фискальской службы акты как именной указ от 28 мая 1725 г. о прекращении производства по делам, возбужденным фискалами до 1721 г., и закон от 27 апреля 1725 г. «О должности генерала-фискала и его помощника государственного обер-фискала» (несмотря на то, что последний был опубликован еще в «Полном собрании законов Российской империи с 1649 г.»). Недостаточным представляется освещение в литературе вопроса о практической реализации в 1722–1727 гг. нормативно закрепленных полномочий прокуратуры и вопроса о взаимодействии прокуратуры с фискальской службой.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.

Предмет исследования составляют: государственный аппарат России XVII – начала XVIII вв., особенности развития которого послужили предпосылками создания фискальской службы и прокуратуры; административные и судебные преобразования первой трети XVIII в., в рамках которых произошло создание, осуществлялась деятельность и состоялась ликвидация фискальской службы и прокуратуры; зарубежные государственные институты XVII – начала XVIII вв., явившиеся типологическими аналогами фискальской службы и прокуратуры.

Следует оговорить, что в рамках настоящего диссертационного исследования не будут рассматриваться существовавшие в первой трети XVIII в. ведомственные фискальские службы: военная, военно-морская и церковная (инквизиторская). Названные службы имели собственную нормативную основу деятельности, специфику комплектования и функционирования и никак не были организационно связаны с фискальской службой России 1711–1729 г. Углубленное изучение истории ведомственных фискальских служб представляется делом будущего.

Цель и задачи исследования. Исходя из научной и практической значимости избранной темы, степени и уровня ее разработанности, автор поставил перед собой следующую цель: путем обобщения и критического осмысления достижений предшественников, а также путем привлечения не вводившихся в научный оборот архивных и иных материалов исследовать фискальскую службу и прокуратуру России первой трети XVIII в. в контексте государственного строительства России XVII–

XVIII вв., в особенности в контексте преобразований государственного аппарата первой четверти XVIII в.

Таковая цель предопределила постановку следующих основных задач:

- 1) установить объективные и субъективные предпосылки, совокупность которых обусловила создание фискальской службы и прокуратуры России;
- 2) определить круг отечественных предшественников и зарубежных аналогов фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в.;
- 3) целостно охарактеризовать нормативную основу организации и деятельности фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в.;
- 4) проследить процесс фактического становления организационной структуры и кадрового укомплектования фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в.;
- 5) рассмотреть практические направления деятельности фискальских органов и прокуратуры России первой трети XVIII в., их взаимодействие с поднадзорными и иными органами государственной власти.

Хронологические рамки исследования определялись, исходя из замысла автора, рассмотреть историю фискальской службы и раннюю историю прокуратуры России, прежде всего, в контексте административных и судебных преобразований первой четверти XVIII в. Вследствие этого в качестве *terminus a quo* был избран 1696 г. – время начала проведения административной и судебной реформ Петра I. В качестве *terminus ad quem* был определен 1730 г. – время ликвидации Верховного Тайного Совета и завершения проводившейся «верховниками» административно-судебной контрреформы. Вместе с тем, в тех случаях, когда при рассмотрении вопросов о предпосылках создания и об отечественных предшественниках фискальской службы и прокуратуры возникала необходимость ретроспективного анализа, в рамках настоящей работы привлекались юридические памятники и сведения о состоянии государственного аппарата России XV–XVII вв.

Теоретико-методологической основой исследования явились методы и принципы, присущие как исторической, так и (в меньшей степени) юридической науке. Теоретико-методологической основой диссертации послужили принципы объективности, научности и историзма. Фактический материал анализировался с учетом как

социально-экономического контекста, так и специфики духовной жизни русского общества XVII–XVIII вв.

В ходе исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы, в том числе: сравнительно-правовой, сравнительно-исторический, текстологический, историко-генетический, герменевтический. При подготовке настоящей работы автор предпринял попытку совместить институциональный и индивидуально-персоналистский, формально-юридический и конкретно-исторический подходы к познанию событий и явлений прошлого. Для изложения материала был избран проблемно-хронологический подход.

При работе над темой были учтены концептуальные и теоретические разработки ряда отечественных и зарубежных ученых – как историков, так и правоведов. При этом учитывалось, что на современном этапе развития исторической науки особую актуальность приобрела линия на междисциплинарные исторические и историко-правовые исследования событий и явлений государства и права. Особую значимость в теоретико-методологическом отношении для автора имели труды Е. В. Анисимова, М. М. Богословского, П. В. Верховского, С. М. Казанцева, А. Б. Каменского, А. Г. Манькова, Н. В. Муравьева, К. Петерсона, Н. Н. Покровского, В. А. Томсинова, С. В. Юшкова.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней решена проблема генезиса и начального развития первых специализированных надзорных органов России, каковыми явились фискальская служба и прокуратура. Впервые подготовлено комплексное, логически завершенное исследование фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в. в контексте отечественного государственного строительства XVII–XVIII вв. (прежде всего, в контексте преобразований государственного аппарата первой четверти XVIII в.). Новизна диссертации обусловлена следующими аспектами предпринятых автором изысканий: во-первых, междисциплинарным подходом к решению проблемы, заключающимся в использовании методов, присущих как исторической, так и юридической наукам; во-вторых, новаторской интерпретацией многих событий и явлений истории отечественной государственности XVII–XVIII вв., в-третьих, установлением взаимной связи в развитии систем надзорных и правоохранительных и судебных органов России первой трети XVIII в.; в-четвертых, систематическим характером освещения и комплексным харак-

тером анализа обстоятельств зарождения и развития фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в.; в-пятых, введением в научный оборот значительного объема сведений по истории отечественной государственности конца XVII – первой четверти XVIII вв., извлеченных из архивных источников. В результате автору удалось целостно реконструировать предпосылки создания, процесс становления, функционирования и ликвидации первых отечественных надзорных органов, установить их место и роль в государственном аппарате, определить влияние деятельности фискальской службы и прокуратуры на развитие судебной системы и следственного аппарата России первой трети XVIII в.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Любой государственный институт возникает на стыке объективной и субъективной предпосылок. Это означает, что, с одной стороны, должна сложиться общественная потребность в появлении того или иного института, с другой – необходимость основания соответствующего института должен осознать законодатель. В свою очередь, при принятии решения об учреждении государственного института законодатель действует, опираясь на известный ему отечественный и зарубежный опыт государственного строительства. Тем самым, при обращении к вопросу о предпосылках возникновения того или иного государственного института представляется необходимым: во-первых, проследить развитие той линии национального государственного строительства, в рамках которой зарождается данный институт, а также определить круг его возможных иностранных образцов; во-вторых, составить представление о тех особенностях социально-политической обстановки и состояния государственного аппарата, которые в данный момент способствуют возникновению соответствующего института; в-третьих, уяснить, какие стороны текущего умонастроения и политико-правовых воззрений законодателя способны обусловить создание этого института.

2. Фискальская служба России была учреждена в объективно сложившейся в 1700-е гг. потребности в имевшем разветвленную структуру и широкие полномочия контрольно-надзорном органе. Отечественными предшественниками фискальской службы следует признать существовавшие во второй половине XVII – начале XVIII вв. органы специального (финансового) контроля – Счетный приказ и Ближнюю канцелярию. В качестве иностранного образца при создании фискальской служ-

бы России Петр I принял во внимание фискальскую службу Шведского королевства, должностных лиц которой российские войска застали в Эстляндии, Лифляндии и южной Финляндии, окончательно завоеванных в 1709–1710 гг.

4. По компетенции отечественная фискальская служба стала как первым в истории отечественной государственности органом общего надзора за соблюдением законности, так и органом уголовного преследования (что выразилось в наделении фискалов полномочиями возбуждать уголовные дела и выступать с обвинением в суде). Для реализации названных функций фискалы получили впервые нормативно закрепленное право осуществлять оперативно-розыскную деятельность (*«тайно надсматривать»*).

5. Начиная с 1712 г., фискальская служба развернула активную работу, результатом которой стало возбуждение множества уголовных дел, преимущественно против должностных лиц различных уровней. Стремясь обеспечить эффективное и при том оперативное рассмотрение судами уголовных дел, возбужденных фискальской службой против высокопоставленных должностных лиц, Петр I пришел к решению учреждать «майорские» канцелярии – комиссии, подчиненные непосредственно главе государства и призванные осуществлять предварительное расследование отмеченных дел.

6. Последовавшее в 1717–1723 гг. проведение судебной реформы отразилось на фискальской службе, в первую очередь, ее переходом из подчинения Сенату в подчинение учрежденной в 1717 г. Юстиц-коллегии. Это переподчинение службы было связано с тем, что созданным в ходе реформы судам общей юрисдикции (в системе которых Юстиц-коллегия являлась судом третьего звена) предстояло унаследовать от потерявших судебные полномочия или упразднявшихся местных и центральных органов власти в том числе и весь массив находившихся в их производстве уголовных дел, возбужденных фискалами.

7. Основной причиной ликвидации фискальской службы следует признать то обстоятельство, что на протяжении 1710-х–1720-х гг. законодателю так и не удалось выстроить судебную систему, способную с должной эффективностью рассматривать уголовные дела, возбужденные фискалами. Непосредственными предпосылками ликвидации фискальской службы явилось издание именного указа от 28 мая 1725 г. (по

которому прекращались все дела, возбужденные фискалами до 1721 г.), а также осуждение в 1727 г. руководителей службы А. А. Мякина и М. А. Косого.

8. Объективной предпосылкой создания российской прокуратуры послужила сложившаяся к началу 1720-х гг. потребность в достройке контрольно-надзорного механизма, призванного на новом уровне эффективности обеспечить режим законности в деятельности государственного аппарата России. Субъективной предпосылкой основания прокуратуры явилось осознание Петром I идеи законности в рамках усвоения концепции «полицейского» государства (*Polizeistaat*). Исходя из формального сравнительно-правового критерия, ближайшими иностранными прообразами должности российского генерал-прокурора возможно признать как шведского высшего омбудсмана (*högste ombudsman*), так и генерального прокурора Парижского парламента (*procureur général du Parlement de Paris*). Исходя же из конкретно-исторического критерия, зарубежным прообразом российской прокуратуры необходимо признать единственно прокуратуру Франции (*ministère public; parquet*). К отечественным предшественникам российской прокуратуры следует отнести фискальскую службу, генерального ревизора Сената (1715–1718 гг.) и понудителей (1719–1721 гг.).

9. В 1722 г. законодатель избрал для российской прокуратуры двухчастную и двухуровневую организационную структуру. Была нормативно предусмотрена и воплощена на практике неоподчиненность генерал-прокуратуры Правительствующего Сената и обер-прокуратуры Святейшего Синода, что означало разделение прокуратуры на две структурно не связанные части – сенатскую и синодальную. В сенатской части прокуратуры на практике сложилось формально-иерархическое равноправие прокуратур коллегий и прокуратур надворных судов (несмотря на то, что надворные суды подчинялись Юстиц-коллегии в административном отношении и являлись по отношению к ней нижестоящими судебными инстанциями).

10. Российская прокуратура 1722–1727 гг. осталась недоформированной. Эта недоформированность выразилась, во-первых, в том, что законодатель не предусмотрел учреждение прокуратур при неколлегиально устроенных центральных органах власти и при специализированных судах по государственным преступлениям, а во-вторых, что на протяжении 1722–1727 гг. не состоялось назначение прокуроров в ряд административных и судебных органов, где их присутствие было закреплено нор-

мативно (в Московскую контору Сената, Коллегию иностранных дел и в пять надворных судов).

11. В функционировании генерал-прокуратуры слабо воплотилась на практике базисная функция надзора за Сенатом. На протяжении 1722–1726 гг. генерал-прокуратура подала всего два протеста на решения Сената (внесенные обер-прокурором Г. Г. Скорняковым-Писаревым). Отсутствие протестов на решения Сената со стороны генерал-прокурора П. И. Ягужинского может быть объяснено занятой им позицией целенаправленной бесконфликтности с сенаторами, обусловленной нежеланием ухудшать свое положение в правительственной среде. Прокуратуры коллегий и надворных судов проявили в 1722–1726 гг. более высокую надзорную активность, нежели генерал-прокуратура (особенно прокуратуры Юстиц-коллегии, Штатс-контор-коллегии и Московского надворного суда).

12. В период с марта 1722 г. по январь 1723 г., во исполнение указания Петра I, генерал-прокуратура осуществляла предварительное расследование «дела фискалов» – уголовного дела по обвинению группы должностных лиц фискальской службы в преступлениях против интересов службы. Несмотря на то, что соответствующая линия компетенции генерал-прокуратуры нормативно не предусматривалась, расследование «дела фискалов» производилось в полном объеме и принесло значительные результаты. В ходе расследования «дела фискалов» впервые в истории отечественной государственности оказались реализованы на практике сразу две модели построения следственного аппарата – прокурорская и судебная.

13. В 1726–1727 гг. основанная Петром I прокуратура подверглась ликвидации. Данная ликвидация была осуществлена в рамках реализации стратегической линии Верховного Тайного Совета на структурное и численное сокращение государственного аппарата России. Российскую прокуратуру расформировали в безуказном порядке: прокуроров либо определяли на другие должности (или увольняли в отставку, направляли в длительные отпуска), не назначая им замены, либо упраздняли поднадзорные им органы власти.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования определяются избранной автором методологией, системным подходом к изучению государственно-правовых явлений и институтов, системным учетом достижений предшественников, а также широким кругом привлеченных нормативных и иных

документальных источников (значительная часть которых, будучи извлечена из архивных фондов, впервые вводится в научный оборот).

Теоретическую и практическую значимость исследования определяют содержащиеся в нем выводы и положения, а также послуживший для них основой разнообразный фактический материал. Практическая значимость диссертации обусловлена ее направленностью на целостное понимание эволюции системы отечественных контрольно-надзорных органов – через призму их зарождения и первоначального опыта функционирования. В свою очередь, это дает возможность, учтя как просчеты, так и достижения предшественников, в дальнейшем выстраивать более взвешенную, учитывающую национальные особенности линию развития системы контрольно-надзорных органов и процедур государственного контроля и надзора. Обращение к научно осмысленному историческому опыту может способствовать выработке оптимальных путей повышения эффективности функционирования механизма государственного контроля и надзора на современном этапе.

Содержащийся в диссертации материал возможно использовать при создании исследовательских и обзорных трудов по истории контрольно-надзорных органов и правоохранительной системы России (в первую очередь, по истории органов прокуратуры), в ходе дальнейшей научной разработки проблем развития системы контрольно-надзорных органов России. Наряду с этим, результаты настоящего диссертационного исследования могут быть востребованы при подготовке исторических и историко-правовых курсов и спецкурсов в учебных заведениях исторического и юридического профиля. Содержащиеся в диссертации сведения на протяжении одиннадцати лет (по мере накопления) использовались автором при чтении лекционных курсов по истории отечественного государства и права и истории органов правосудия и прокуратуры России в институте международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, на юридическом факультете Новосибирского государственного университета, в Институте ФСБ России (г. Новосибирск).

Апробация результатов исследования. Предварительные и окончательные результаты, полученные в процессе работы над избранной темой, обсуждались на кафедре истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького, а также на 11 научных конференциях (в том числе на пяти международных и

шести всероссийских). В частности, автор выступал с докладами по теме диссертации на конференциях, проходивших в Томском государственном университете (январь 2004 г.), в Красноярском государственном университете (октябрь 2005 г.), в Германском историческом институте в Москве (июнь 2008 г.), в Уральском государственном университете (ноябрь 2008 г.).

Основные положения диссертации нашли отражение в опубликованных работах автора. По теме диссертации издано три авторские монографии (одна из которых выдержала два издания) и 44 статьи, общим объемом 100,5 п. л. Работы автора имели положительные отклики в российской печати, ряд из них включен в рекомендательные списки литературы в учебных программах исторических и юридических факультетов.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав (включающих одиннадцать параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы и документального приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, в общем виде проанализированы уровень и степень научной разработанности темы, определены цель и задачи, объект и предмет исследования, его хронологические рамки, аргументированы научная новизна работы, раскрыты ее теоретические и методологические основы, определена теоретическая и практическая значимость диссертации. Кроме того, во Введении рассмотрен вопрос, какие именно термины следует признать наиболее корректными для обозначения отечественных нормативных правовых и распорядительных актов XVIII в.

Глава 1 «Литература и источники» состоит из двух параграфов. В § 1 **«Изучение истории фискальской службы и ранней истории прокуратуры России в XIX – начале XXI вв.»** содержится обзор литературы по теме диссертационного исследования с 1860-х гг. до 2000-х гг.

В историографии темы в общем виде следует отметить два момента. Во-первых, изучение истории фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в. осуществлялось на протяжении второй половины XIX – начала XXI вв. почти в равной мере как историками, так и правоведами, в парадигмах и исторической, и историко-правовой наук. Соответственно, фискальская служба и прокуратура характе-

ризовались представителями этих наук либо преимущественно с формально-юридической стороны, либо преимущественно со стороны конкретно-исторической.

Во-вторых, с точки зрения содержания работ по теме исследования представляется возможным выделить четыре историографические линии: 1) изучение истории фискальской службы и прокуратуры первой трети XVIII в. в рамках изысканий по истории иных органов власти (исследование истории генерал-прокуратуры в рамках изучения истории Правительствующего Сената, исследование истории синодальной обер-прокуратуры в рамках изучения истории Святейшего Синода); 2) изучение истории прокуратуры первой трети XVIII в. в рамках исследования общей истории российской прокуратуры или всеобщей истории прокуратуры; 3) обособленное изучение фискальской службы первой трети XVIII в. и прокуратуры первой трети XVIII в.; 4) биографические разыскания о руководителях российской прокуратуры и фискальской службы первой трети XVIII в.

Специальное изучение фискальской службы и прокуратуры первой трети XVIII в. началось со времени подготовки А. Д. Градовским магистерской диссертации «Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры», защищенной на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1866 г. и изданной в том же году в виде монографии. Опираясь почти исключительно на опубликованные нормативные источники, Александр Градовский предпринял глубокий институциональный анализ как фискальской службы, так и особенно ранней прокуратуры в контексте развития государственного аппарата России XVIII в.

Более чем достойным продолжателем разысканий А. Д. Градовского явился С. А. Петровский, защитивший в 1875 г. на юридическом факультете Московского университета аналогично магистерскую диссертацию «О Сенате в царствование Петра Великого», изданную в том же году в виде монографии. Несмотря на то, что Сергей Петровский готовил диссертацию по государственному праву, помимо законодательных актов, он широко привлек архивные источники. В итоге С. А. Петровскому удалось подготовить столь фундаментальное, столь и комплексное исследование по истории фискальской службы и генерал-прокуратуры Сената в первой четверти XVIII в.

Из числа последующих работ по теме исследования, необходимо особо отметить монографию Н. В. Муравьева «Прокурорский надзор в его устройстве и дея-

тельности» (1889). В этой фундаментальной монографии Николай Муравьев уделил значительное внимание рассмотрению вопросов о правовой природе, полномочиях и зарубежных аналогах отечественных фискальской службы и прокуратуры. Благодаря широте и глубине правового анализа, названная монография сохраняет свое значение и в настоящее время.

Кроме того, история фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в. оказалась затронута в работах Т. В. Барсова (1878), Н. В. Калачева (1878), М. П. Розенгейма (1878), Н. П. Павлова-Сильванского (1897), М. М. Богословского (1902), П. Голицына (1910), А. Н. Филиппова (1911). Прокуратуре Святейшего Синода петровского времени оказались посвящены разделы в монографиях И. А. Чистовича (1868), Ф. В. Благовидова (1899), С. Г. Рункевича (1900), П. В. Верховского (1916).

Подлинным венцом изучения ранней истории отечественной прокуратуры в досоветский период следует признать монографию В. И. Веретенникова «Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени» (1915). Владимир Веретенников предпринял специальное исследование как нормативной основы деятельности, так и направлений практического функционирования прокуратуры России за первые 40 лет ее существования. В. И. Веретенников выявил и сравнил между собой пять редакций проекта закона «Должность генерала-прокурора», сопоставил компетенцию прокуратуры во Франции и в России, углубленно рассмотрел взаимоотношения между генерал-прокурором и Сенатом.

В советский период рассматриваемую тему затронули Г. Н. Анпилов (1941, 1957), Л. А. Стешенко (1966, 1973), Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина (1987) и Н. И. Павленко (1989). В постсоветский период изучение фискальской службы и ранней истории прокуратуры России заметно активизировалось. В сентябре 2000 г. в Российском государственном гуманитарном университете была защищена кандидатская диссертация Н. В. Платоновой «Государственный контроль (фискалитет) в России и русское общество в первой четверти XVIII века». Опираясь на широкий круг архивных источников, Наталья Платонова, продолжив историографическую линию С. А. Петровского и Г. Н. Анпилова, не только подробно охарактеризовала компетенцию и деятельность фискальской службы, но и провела сравнительно-исторические параллели с европейскими контрольно-надзорными органами.

В апреле 2007 г. в Омском государственном педагогическом университете состоялась защита кандидатской диссертации А. Д. Паутова «Институт фискалов в России в первой трети XVIII в.». Названная диссертация представляет собой по существу развернутый реферативный обзор. Вовсе отказавшись от привлечения архивных источников по избранной теме, Алексей Паутов ограничился изложением давно уже введенных в научный оборот сведений по истории фискальской службы, извлеченных из работ предшественников, и анализом известных нормативных актов.

Ранней истории прокуратуры России оказалась посвящена первая глава докторской диссертации С. М. Казанцева «Прокуратура Российской империи», защищенной в марте 2003 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. Продолжив историографическую линию Н. В. Муравьева и В. И. Веретенникова, Сергей Казанцев детально осветил вопрос об отечественных предшественниках и зарубежных аналогах российской прокуратуры. Наряду с трудом В. И. Веретенникова, означенную главу диссертации С. М. Казанцева следует признать наибольшим вкладом в изучение прокуратуры России первой трети XVIII в.

В конце XX – начале XXI вв. история фискальской службы России и ранняя история прокуратуры была затронута в статьях С. Е. Шестакова (1992), Н. В. Платоновой (1997), М. И. Сизикова (1998), С. М. Казанцева (2001), автора настоящей работы (2003, 2004, 2005, 2007, 2008), Д. А. Опарина (2006), Л. В. Карнаушенко (2007). Кроме того, фискальской службе и прокуратуре было уделено внимание в монографиях Н. И. Павленко (1994), В. Г. Бессарабова (2003), С. М. Казанцева (1993), М. О. Акишина (1996, 2003), автора настоящей работы (1996, 2002), Е. В. Анисимова (1997), Л. М. Балакиревой (2003), Л. Ф. Писарьковой (2007), Н. А. Комолова (2007), в диссертации М. О. Акишина (2005). Из числа зарубежных исследований следует отметить раздел о фискальской службе в монографии Р. Виттрама «Петр Великий: царь и император» (1964).

В § 2 «**Источниковая основа исследования**» содержится обозрение опубликованных и архивных источников, образовавших источниковую основу диссертационного исследования.

Источники, потребные для изучения истории фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в., возможно разделить на две группы: источники нормативные (прежде всего, законы) и материалы судебной и административной

практики. Наиболее широко в опубликованном виде нормативные источники первой трети XVIII в. оказались к настоящему времени представлены в четвертом–восьмом томах «Полного собрания законов Российской империи с 1649 г.». Наиболее содержательная подборка документов о практической деятельности фискальской службы и прокуратуры петровского времени оказалась опубликована в «Актах Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.)», изданных Ярославской губернской ученой архивной комиссией в 1908–1909 гг.

Что касается архивных источников по теме диссертационного исследования, то здесь, в первую очередь, необходимо отметить, что до настоящего времени, судя по всему, не сохранилась основная часть делопроизводства генерал-прокуратуры 1722–1727 гг. На сегодня не удалось выявить (даже в виде фрагментов) ни одного из несомненно ведшихся журналов, протокольных и записных книг генерал-прокурора. До нас не дошло также ни единой целостной подборки документов, отражающих функционирование прокуратур коллегий и надворных судов. Единственная компактная подборка документации генерал-прокуратуры за первую треть XVIII в., которую на сегодняшний день удалось выявить автору, оказалась изолированно включена в состав одной из книг сенатского делопроизводства (РГАДА, ф. 248, кн. 50, л. 727–763).

Иная источниковая ситуация сложилась на сегодня с фискальской службой. С одной стороны, значительное количество документов, в которых запечатлелась деятельность службы, благополучно сохранилось до наших дней. С другой стороны, отмеченные документы оказались бессистемно рассредоточены по многим архивным фондам.

Документы по истории фискальской службы и прокуратуры первой трети XVIII в. оказались на сегодня сосредоточены главным образом в Российском государственном архиве древних актов и в меньшей мере – в Российском государственном историческом архиве и в Российском государственном военно-историческом архиве. В РГАДА документы, имеющие отношение к теме настоящего диссертационного исследования, отложились, прежде всего, в необъятном фонде 248 «Сенат и его учреждения» (который Н. В. Калачев еще в 1878 г. образно и точно назвал «благодарным

рудником» для ученого²). Здесь, в первую очередь, необходимо отметить образцово сохранившийся комплекс указного и протокольного делопроизводства Правительствующего Сената за 1719–1725 гг.

Названный комплекс образовали: записные книги сенатских указов, распоряжений и судебных решений за 1719–1723 гг. (кн. 1883, 1884, 1886, 1887, 1889 и 1891); книги подлинных сенатских указов и решений за апрель 1723–1725 гг. (кн. 1913–1921, 1923–1934, 1937, 1939–1949); книги беловых протоколов заседаний Сената за 1722, 1723 и 1724 гг. (кн. 1888, 1922 и 1935); а также книги подлинных указов и приговоров Сената за 1724 и 1725 гг., проходивших по секретному делопроизводству (кн. 1936 и 1938).

В означенном делопроизводственном комплексе содержатся между иного уникальные по полноте и достоверности сведения о взаимодействии Сената с прокуратурой и фискальской службой, о назначениях должностных лиц этих органов. Например, именно благодаря этому комплексу, оказалось возможным систематически реконструировать надзорную активность как генерал-прокуратуры, так и прокуратур коллегий и надворных судов в 1722–1725 гг. (каковая активность отразилась в количестве сенатских указов, принятых в ответ на обращение того или иного прокурора).

Наряду с фондом «Сенат и его учреждения», в Российском государственном архиве древних актов материалы, имеющие отношение к теме диссертационного исследования, отложились в значительном количестве также в фонде 9 «Кабинет Петра I», фонде 1451 «Именные указы Петра I Сенату», фонде 282 «Юстиц-коллегия», фонде 285 «Юстиц-контора». Среди материалов вышеназванных фондов особенно содержательны всякого рода записные книги (в первую очередь, приговоров, решений и распоряжений).

Например, неоценимый источник для изучения деятельности как судебной системы, так и фискальской службы и прокуратуры России начала 1720-х гг. представляет собой Записная книга, числящаяся ныне под № 21643 оп. 1 фонда 282. Означенная единица хранения содержит в себе копии всех распоряжений, а также приговоров и решений, вынесенных Юстиц-колlegией на протяжении 1723 г. Особую ценность

² *Калачев Н. В.* О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование Сергея Петровского. Рецензия // Отчет о 19-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1878. С. 152.

имеет и Записная книга «предложений» прокуратуры Юстиц-коллегии 1723 г., отложившаяся также в составе фонда 282 (оп. 1, кн. 22547). Названная Записная книга (единственная подобного рода, выявленная к настоящему времени) явилась уникальной призмой, позволившей рассмотреть повседневное функционирование прокурорского надзора первой трети XVIII в. на уровне центрального ведомства.

Что касается «специализированного» фонда 386 «Канцелярия фискальных дел» РГАДА, то его источниковую ценность снижают два обстоятельства: во-первых, сравнительно незначительный объем (44 единицы хранения), а во-вторых то, что в нем отложились документы за весьма ограниченный период – только за 1724–1725 гг. Повышенный интерес из состава данного фонда представляют дела о назначениях фискалов, а также дело 1724 г. о направлении в Фискальскую канцелярию возбужденных фискалами дел из производства иных центральных органов власти.

Глава 2 «Фискальская служба России (1711–1729 гг.)» состоит из четырех параграфов. В § 1 **«Фискальская служба России: предпосылки создания, отечественные предшественники и зарубежные прообразы»** рассмотрены вопросы об объективных и субъективных предпосылках основания отечественной фискальской службы, а также освещена непосредственная предыстория ее учреждения.

В параграфе показано, что до XVII в. в России механизм государственного контроля основывался на прямом осведомлении главы государства о нарушениях закона, что осуществлялось как посредством реализации права челобитья, так и посредством общения царя с выборными лицами на земских соборах. Однако непрерывное увеличение населения и территории государства, структурное и численное разрастание государственного аппарата обусловило необходимость появления специализированных органов государственного контроля. Уже в 1634 г. служилый человек И. А. Бутурлин предложил создать постоянно действующий выборный орган власти, должностные лица которого информировали бы монарха *«про всякая дурна и про обиды ото всяких людей»*³.

В практике отечественного государственного строительства второй половины XVII в. оказались, однако, воплощены иные формы организации государственного

³ Кабанов А. К. «Государево дело» стряпчего Бутурлина о злоупотреблениях в Московском государстве // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1910. Т. 8. С. 68.

контроля. С одной стороны, контрольно-надзорными полномочиями были субсидиарно наделены подьячие Приказа тайных государевых дел (1654–1676 гг.) – личной канцелярии царя Алексея Михайловича. С другой стороны, в этот же период был учрежден первый отечественный специализированный контрольный орган – ведавший финансовым контролем Счетный приказ (1655–1678 гг.).

Воцарение Петра I длительное время никак не сказывалось на организации государственного контроля. Единственным специализированным контрольным органом, созданным в России с конца 1680-х и до конца 1700-х гг., явилась основанная в марте 1701 г. Ближняя канцелярия – ведомство специального (финансового) контроля, преемница Счетного приказа. Достойно упоминания, что вопрос о круге ведения Ближней канцелярии длительное время оставался дискуссионным. Наряду с точкой зрения о канцелярии как об органе финансового контроля, высказывались мнения, что она представляла собой и преемницу Боярской думы, и личную канцелярию Петра I. Между тем, в выявленном автором настоящей работы черновом отпуске патента главы Ближней канцелярии Н. М. Зотова на чин тайного советника 1711 г. от имени Петра I прямо говорилось, что *«Ближнюю нашу канцелярию... мы учредили для известия нашего о доходах и расходах всего нашего Российского государства»*⁴. Тем самым, специально-контрольный характер функций Ближней канцелярии можно полагать окончательно подтвержденным.

Однако в 1700-е гг. сложилась объективная необходимость в учреждении принципиально иного контрольно-надзорного органа. Таковая необходимость была обусловлена: во-первых, вступлением России в Северную войну, а также программами строительства Санкт-Петербурга и Таганрога (что имело последствиями как значительное увеличение налоговой нагрузки на широкие слои населения, так и осуществление невиданных по масштабу рекрутских и трудовых мобилизаций); во-вторых, дальнейшее структурное и численное разрастание государственного аппарата (особенно вследствие проведения I губернской реформы); в-третьих, нараставшим лихоимством государственных служащих. Отмеченные явления образовали предпосылку создания ведомства, располагавшего, с одной стороны, широкими контрольно-надзорными полномочиями, а с другой – разветвленной сетью территориальных органов.

⁴ РГАДА, ф. 154, оп. 2, № 103, л. 2 об.

Относительно конкретной информации, получение которой могло повлиять на решение Петра I основать фискальскую службу, в настоящий момент ничего определенного сказать невозможно. По крайней мере, каких-либо резонансных (по современной терминологии) уголовных дел по обвинению государственных служащих в преступлениях против интересов службы, каковые могли бы особенно впечатлить царя, в 1709–1710 гг., насколько известно, не возбуждалось. Да и в целом в 1709–1710 гг. Петра I занимали почти исключительно военные и дипломатические вопросы.

Возможно лишь предположить, что на решение царя создать фискальскую службу могли повлиять его опасения за уровень налоговой платежеспособности населения (от которого слишком зависела боеспособность действующей армии). Между тем, достигшие значительных размеров неуказные сборы и взятки чиновников на местах (вовсе не слышать о которых Петр I не мог) грозили эту платежеспособность вконец расстроить.

Что касается зарубежного образца для законодателя, то таковым следует признать фискальскую службу Швеции, должностных лиц которой российские войска застали в Эстляндии, Лифляндии и южной Финляндии, окончательно завоеванных в 1709–1710 гг. В организационном плане создание фискальской службы России оказалось увязано с основанием Правительствующего Сената.

В § 2 «Фискальская служба России: становление и первоначальная деятельность (1711–1715 гг.)» рассмотрены вопросы о первоначальной нормативной основе деятельности фискальской службы, приведены сведения о ее организационном становлении и направлениях практической деятельности, освещены обстоятельства биографии М. В. Желябужского, занимавшего с октября 1711 г. по апрель 1715 г. должность обер-фискала.

В параграфе показано, что нормативная основа организации и деятельности фискальской службы России оказалась сформирована в относительно короткий срок, уже к середине 1714 г. Полномочия, организационная структура, порядок комплектования и статус фискальских органов были наиболее развернуто регламентированы в законе от 5 марта 1711 г. и особенно в законе от 17 марта 1714 г. «Указ о фискалах и о их должности и действии».

Со стороны организационной фискалы образовали собой строго централизованную трехуровневую вертикаль: обер-фискал – провинциал-фискал – городской фискал. Глава службы обер-фискал подчинялся непосредственно Правительствующему Сенату. Стоит заметить, что создание территориальных органов центральных ведомств было мало знакомо отечественному государственному строительству прежних времен. В этом отношении предшественниками фискалов следует признать разве что подчиненных Разбойному приказу губных старост XVI – начала XVIII вв. да поныне малоизученных ратушских надсмотрщиков 1700-х гг.

Кадровое укомплектование службы в основном завершилось к 1713 г. По состоянию на апрель 1713 г. на фискальских должностях состояло (без Санкт-Петербургской губернии) 153 человека, в том числе на должностях провинциал-фискалов 24 человека. Непосредственно при обер-фискале находилось два провинциал-фискала (А. Я. Нестеров и С. Н. Шепелев), в Москве – четверо провинциал-фискалов.

Компетенция фискалов заключалась, в первую очередь, в выявлении любого нарушения закона – *«всяких преступлений указам»*. Сообразно требованиям момента, особое внимание фискальским органам надлежало уделять обнаружению преступлений, по современной классификации, против интересов службы и против правосудия. Всю собранную информацию фискалы обязывались направлять на рассмотрение того органа власти, в подсудности которого находилось обличаемое лицо. Тем самым, как уже неоднократно отмечалось в литературе, фискальская служба стала первым в России органом общего надзора за соблюдением законности.

Между тем, наряду с функцией общего надзора, законодатель придал фискальской службе еще три, не менее важных линии компетенции. Во-первых, для установления события преступного деяния фискалы получили никогда прежде не закреплявшееся нормативно право осуществлять, в современном понимании, оперативно-розыскную деятельность (*«тайно надсматривать»*). Во-вторых, в ст. 4 закона от 17 марта 1714 г. оказалась специально прописана обязанность должностных лиц фискальской службы заниматься *«взысканием»* (выяснением обстоятельств) так называемых *«безгласных дел»* (термин, введенный, по всей очевидности, самим Петром I) – то есть тех дел, по которым отсутствовали челобитчики-заявители.

В-третьих, по закону от 5 марта 1711 г., обер-фискал обязывался призвать того, кто *«неправду учинит пред Сенат, и тамо его обличать»*. Сходным образом, «доно-

сить и при суде обличать» предписывалось (уже всем фискалам) в ст. 4 закона от 17 марта 1714 г. Иными словами, помимо общего надзора, законодатель возложил на фискальские органы полномочия возбуждать уголовные дела и собирать по ним доказательства, а также выступать с обвинением в суде от имени государства. Тем самым, можно со всей определенностью констатировать, что отечественная фискальская служба с момента возникновения стала органом еще и уголовного преследования.

Начиная с 1712 г., фискальская служба развернула активную работу, результатом которой стало возбуждение множества уголовных дел, преимущественно против должностных лиц разных уровней. Например, согласно записной книги фискальских доношений 1713 г., только за июль–октябрь 1713 г. в канцелярию Сената поступили сообщения о 107 уголовных делах, возбужденных только московским территориальным органом фискальской службы. При этом, не ограничиваясь выявлением криминальных деяний низших региональных администраторов и канцелярского персонала центральных ведомств, фискалы нередко возбуждали уголовные дела и против могущественных сановников. Так, с подачи провинциал-фискала А. Я. Нестерова началось расследование грандиозной «подрядной аферы», большинство фигурантов которой составляли высшие должностные лица (включая А. Д. Меншикова и сенаторов В. А. Апухтина и Г. И. Волконского).

Думается, что столь поначалу успешная деятельность фискальской службы обуславливалась, главным образом, той поддержкой, которую фискалы получили в широких слоях населения. Совершенно очевидно, что без содействия десятков и сотен явных и тайных помощников было немыслимо собрать такой внушительный объем информации о нарушениях закона, как это удалось фискальской службе в первой половине 1710-х гг. В свою очередь, это содействие объяснялось тем, что в условиях второго десятилетия XVIII в. именно представители фискальских органов отвечали вопиющей потребности массы трудового люда в хоть какой-то защите от произвола и злоупотреблений чиновников и прочих «сильных персон».

Получение от фискальской службы значительного объема информации об упадке законности в стране побудило Петра I предпринять в 1713–1715 гг. ряд экстраординарных мер уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, направленных на противодействие взяточничеству и казнокрадству. Среди этих мер следует выделить издание закона от 24 декабря 1714 г. – наиболее жесткого нормативного

акта, направленного против взяточничества, принятого в России за XV–XIX вв. Наряду с этим, Петр I установил особый порядок судопроизводства по делам о преступлениях против интересов службы, заключавшийся в установлении права подданных обращаться с сообщением о соответствующем преступлении непосредственно к монарху (что нашло закрепление, прежде всего, в законе от 23 октября 1713 г.).

Начавшие возникать в 1713–1714 гг. проблемы в функционировании фискальской службы были связаны, в первую очередь, с затягиванием рассмотрения возбужденных фискалами уголовных дел в органах власти, располагавших судебными полномочиями. Так, московский провинциал-фискал А. П. Ляпин отмечал в доношении Сенату от 27 января 1714 г., что *«по их фискалским доношениям... чинитца медление... А которые люди по оным их фискалским доношениям достойны бо суть возваны быти на суд, и таким продолжением чинитца им лгота»*⁵ Особенно осложнено в характеризующий период оказалось взаимодействие фискальской службы с Правительствующим Сенатом, который стал целенаправленно уклоняться от поддержки службы.

В § 3 «Фискальская служба России: деятельность в 1715–1718 гг. Фискальская служба и «майорские» канцелярии» рассмотрена практическая деятельность фискальской службы во второй половине 1710-х гг., охарактеризовано взаимодействие службы с первыми отечественными специализированными органами предварительного расследования, а также приведены обстоятельства биографии А. Я. Нестерова, сменившего в апреле 1715 г. М. В. Желябужского на посту обер-фискала.

В параграфе показано, что в 1715–1718 гг. фискальской службой России были достигнуты новые успехи в деле выявления преступлений против интересов службы, совершенных представителями государственного аппарата. Под руководством и при непосредственном участии нового главы службы А. Я. Нестерова фискалы собрали разоблачительную информацию и возбудили в 1715–1717 гг. уголовные дела по обвинению в преступлениях против интересов службы против сенатора М. М. Самарина, губернаторов К. А. Нарышкина и П. А. Голицына, вице-губернаторов П. Е. Лодыженского, В. И. Гагарина и С. И. Путятина, начальника снабжения флота Г. П. Чернышева. Продолжился начатый еще в 1713–1714 гг. сбор информации о финансовых

⁵ РГАДА, ф. 248, оп. 106, № 393, л. 10.

злоупотреблениях и взяточничестве А. Д. Меншикова, сенаторов Я. Ф. Долгорукова и П. М. Апраксина, сибирского губернатора М. П. Гагарина, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина, адмиралтейского советника А. В. Кикина.

Однако отправление правосудия по уголовным делам по обвинению означенных лиц были осложнены как их служебным статусом, так и сохранявшейся в середине 1710-х гг. структурной неотделенностью судебных органов от административных, а также неразграниченностью стадий предварительного и судебного следствия. Стремясь обеспечить эффективное и при том оперативное рассмотрение судами уголовных дел, возбужденных фискальской службой против высокопоставленных должностных лиц, Петр I пришел к решению учреждать «майорские» канцелярии – первые специализированные органы предварительного расследования, представлявшие собой комиссии, подчиненные непосредственно главе государства и призванные расследовать вышеотмеченные уголовные дела.

Отечественными прообразами таковых комиссий явились возглавлявшиеся «сыщиками» временные «приказы сыскных дел», организовывавшиеся в XVII в. для борьбы с разбоями, поиска беглых или же для разбирательства дел о злоупотреблениях местных администраторов. Первой «майорской» следственной канцелярией стала канцелярия М. И. Волконского, основанная 25 июня 1713 г. для расследования дел по обвинению ряда должностных лиц Архангелогородской губернии. На протяжении 1713–1720 гг. было учреждено в общей сложности 15 подобных канцелярий. Что касается личного состава, то 37 из 39 руководящих должностных лиц этих канцелярий являлись строевыми офицерами гвардии в званиях от подпоручика до подполковника..

В условиях 1710-х гг. ставка Петра I на строевых гвардейцев представляется объяснимой. Поголовно лично известное царю тогдашнее гвардейское офицерство представляло собой особую среду, сплоченную боевыми испытаниями в достаточно замкнутую корпорацию. По всей очевидности, Петр I полагал, что направленные на следственное поприще гвардейские офицеры окажутся вне пределов той системы взаимозависимостей и «взаимоповязанностей» столичной (и тем более региональной) бюрократии, которая была способна парализовать любое наступление на должностную преступность. Судя по всему, царь рассчитывал, что гвардейцы будут устойчивы ко всякого рода неформальным влияниям и частным обращениям (а заодно и к попыт-

кам подкупа), а потому смогут в сжатые сроки и с надлежащим качеством довести до суда уголовные дела, возбужденные фискалами.

Окончательную упорядоченность система «майорских» канцелярий приобрела 9 декабря 1717 г., когда было основано сразу шесть таких канцелярий. Кроме того, 9 декабря 1717 г. был издан типовой наказ «майорским» следственным канцеляриям, в котором регулировались их статус, организация, полномочия, а также ответственность руководителей.

На эффективность деятельности «майорских» канцелярий негативно повлияли три фактора: частые реорганизации, сохранение руководящими должностными лицами параллельных служебных обязанностей и слишком жесткая замкнутость на главу государства. В итоге лишь незначительная часть дел, возбужденных фискалами и попавших в производство «майорских» следственных канцелярий, оказалось доведена до приговора. К примеру, из 14 фигурантов из числа высших должностных лиц, разоблаченных фискальской службой и оказавшихся под следствием «майорских» канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г., были осуждены лишь двое (М. П. Гагарин и Г. П. Чернышев), что составило 14% из числа подследственных.

Однако и те дела, возбужденные фискальской службой, которые поступали в производство местных и центральных административно-судебных органов, также в массе своей не дошли до приговора. Это объяснялось тем, что названные органы были объективно не в состоянии справиться со всем объемом возбужденных фискалами дел. Передовая по организации и полномочиям фискальская служба оказалась состыкована с архаичной судебной системой, очевидно нуждавшейся в реформировании. В итоге виновные заматали следы и еще больше утверждались в ощущении своей безнаказанности, потерпевшие отчаивались, фискалы теряли рвение к службе, осведомители теряли интерес к продолжению сотрудничества. Население исподволь, но необратимо начинало разочаровываться в фискальских органах.

В § 4 «Фискальская служба России: деятельность в 1718–1729 гг. Фискальская служба и Юстиц-коллегия» рассмотрены вопросы о статусе и практической деятельности фискальской службы в последний период существования, охарактеризован закон от закон от 27 апреля 1725 г. «О должности генерала-фискала и его помощника государственного обер-фискала», освещены обстоятельства биографии последнего российского обер-фискала М. А. Косого.

В параграфе показано, что в период 1718–1729 гг. фискальская служба дважды меняла ведомственную принадлежность. В декабре 1718 г. фискальская служба перешла из подчинения Сенату в подчинение Юстиц-коллегии, а в январе 1723 г. служба восстановила ведомственную самостоятельность. Передача фискальской службы в подчинение Юстиц-коллегии была связана с проведением судебной реформы 1717–1723 гг., ключевым элементом которой явилось создание в 1719–1720 гг. четырехзвенной системы судов общей юрисдикции («нижние» суды – надворные суды (гофгерихты) – Юстиц-коллегия – Правительствующий Сенат).

Поскольку новоучрежденным органам правосудия предстояло унаследовать от терявших судебные полномочия или упразднявшихся местных и центральных органов власти в том числе и весь массив находившихся в их производстве уголовных дел, возбужденных фискалами, решение законодателя переподчинить фискальскую службу Юстиц-коллегии следует признать логичным. Передача «фискалских дел» в производство Юстиц-коллегии, надворных и «нижних» судов была осуществлена в 1719–1720 гг. Однако, несмотря на эту передачу, ситуация с рассмотрением дел, возбужденных фискалами, никоим образом не улучшилась.

Так, по состоянию на февраль 1723 г. в Воронежском надворном суде завершенных производством «фискальных дел» насчитывалось 28, а незавершенных – 189. Учитывая, что в описываемое время в названном суде трудилось четверо судей (включая действующего губернатора) и 14 канцелярских служащих и что суд разбирал еще и иные уголовные и гражданские дела, перспектива доведения до приговора отмеченного количества возбужденных фискалами дел терялась в тумане весьма отдаленного будущего. В самой Юстиц-коллегии в мае 1723 г. было констатировано наличие 147 незавершенных производством уголовных дел, возбужденных фискальской службой (не считая еще 92 таковых дел, поступивших из Санкт-Петербургского гофгерихта). А когда в декабре 1724 г. Фискальская канцелярия истребовала в свое производство возбужденные фискалами уголовные дела, по которым не было вынесено приговоров, то таковых дел к ноябрю 1725 г. в канцелярию было прислано 762.

В связи с подобной ситуацией обер-фискал А. Я. Нестеров предложил в ноябре 1720 г. учредить особую подсистему специализированных судов, призванных рассматривать уголовные дела, возбужденные фискальской службой. Это предложение Алексея Нестерова не встретило, однако, поддержки ни в Сенате, ни у Петра I. Вмес-

те с тем, следует констатировать, что неспособность реформированных органов правосудия с надлежащим качеством и оперативностью разбирать «фискальные дела» носила объективный характер. Располагавшие небольшими штатами надворные и «нижние» суды оказались не в состоянии (как в 1713–1718 гг. комендантские, ланд-ратские и губернские канцелярии) справиться с рассмотрением значительного объема дел, возбужденных фискалами.

Осознание кризисной ситуации с рассмотрением в судах «фискальных дел», а также сведения, полученные в ходе расследования «дела фискалов» побудили Петра I предпринять в январе–феврале 1723 г. ряд мер, направленных на укрепление фискальской службы. Этими мерами явились, во-первых, возвращение фискальской службе ведомственной самостоятельности (путем учреждения должности генерал-фискала), а во-вторых, повышение служебного статуса должностных лиц фискальской службы (путем внесения фискальских должностей в Табель о рангах).

Наиболее серьезной инициативой генерал-фискала А. А. Мякина по улучшению ситуации с «фискальными делами» явилось предложение сосредоточить досудебное рассмотрение всех незавершенных производством дел, возбужденных фискалами, в Фискальской канцелярии. Будучи закреплена в именном указе от 4 декабря 1724 г., данная мера оказалась неудачной: присланные в значительном количестве в Фискальскую канцелярию уголовные дела были, по сенатскому указу от 2 ноября 1725 г., разосланы обратно в те органы правосудия, в производстве которых они находились прежде.

Окончательное разрушение фискальской службы произошло в 1725–1727 гг. Наряду с провалом мероприятия по сосредоточению незавершенных производством «фискальных дел» в Фискальской канцелярии, здесь необходимо отметить именной указ от 28 мая 1725 г., по которому прекращались все дела, возбужденные фискалами до 1721 г., а также осуждение в 1727 г. военным судом генерал-фискала А. А. Мякина и Сенатом – обер-фискала М. А. Косого. Новых назначений на должности генерал- и обер-фискалов не последовало. Фактический распад фискальской службы знаменовал смотр фискалов 1729 г., на который явилось 28 человек. Закономерным итогом смотра стало формальное упразднение фискальской службы, осуществленное по именному указу от 15 декабря 1729 г.

Глава 3 «Прокуратура России (1722–1727 гг.)» состоит из пяти параграфов. В **§ 1 «Прокуратура России: предпосылки создания, зарубежные прообразы и отечественные предшественники»** рассмотрены вопросы об объективных и субъективных предпосылках основания отечественной прокуратуры, освещена предыстория ее учреждения, охарактеризованы полномочия и практическая деятельность генерал-ревизора Сената, а также понудителей 1719–1721 гг.

В параграфе показано, что объективной предпосылкой основания прокуратуры явилась сложившаяся к началу 1720-х гг. потребность в достройке контрольно-надзорного механизма, призванного на новом уровне утвердить режим законности в государственном аппарате России. Во-первых, в эффективном надзоре нуждался центральный сегмент российского государственного аппарата, системно перестроенный в ходе коллежской реформы 1717–1719 гг. Во-вторых, до 1722 г. законодателю так и не удалось отладить действенный надзор за Правительствующим Сенатом.

Субъективной предпосылкой основания прокуратуры стало осознание Петром I к началу 1720-х гг. идеи законности. Осознание этой идеи стало одним из последствий усвоения Петром I концепции «полицейского» государства (*Polizeistaat*), выработанной главным образом немецкими государствоведами в XVII в.

Исходя из формального сравнительно-правового критерия, ближайшими иностранными прообразами должности российского генерал-прокурора возможно признать как шведского высшего омбудсмана (*högste ombudsman*), так и генерального прокурора Парижского парламента (*procureur général du Parlement de Paris*). Между тем, информация о высшем омбудсмане поступила к Петру I в 1718 г. исключительно в связи с проектом учредить в России Политическую коллегию по образцу шведской Канцелярии-коллегии (*Kanslicollegium*), от какового проекта царь отказался в том же 1718 г. Ко всему прочему в 1719 г. в связи с реорганизацией Канцелярии-коллегии высший омбудсман превращен в канцлера юстиции (*justitier-kansler*). Следов же интереса Петра I к должности канцлера юстиции на сегодня не выявлено. Тем самым, исходя из конкретно-исторического критерия, зарубежным прообразом российской прокуратуры необходимо признать единственно прокуратуру Франции (*ministère public; parquet*).

Возникшая в XIV в., прокуратура Франции сложилась к XVII в. как разветвленный и централизованный орган власти с весьма разнообразными функциями,

начиная с установленного в XVI в. полномочия генерального прокурора вносить в Парижский парламент королевские указы для их регистрации, и до полномочий прокуроров по защите социально незащищенных лиц (*miserabiles personae*). Однако доминирующей в компетенции французской прокуратуры все же стала функция уголовного преследования. Здесь роль прокуратуры заключалась, прежде всего, в возбуждении уголовного дела, в подготовке обязательных заключений на разных стадиях уголовного судопроизводства, а также в руководстве исполнением приговора.

О французской прокуратуре Петр I имел возможность получить разнообразную информацию – в первую очередь, от дипломата А. А. Матвеева и морского офицера К. Н. Зотова, углубленно изучивших устройство государственного аппарата Франции. Особенно подробные сведения о французской прокуратуре предоставил царю Конон Зотов, подавший в мае 1721 г. проект об учреждении в России должности «всенародного надзирателя или государственного стряпчего», полномочия которого напоминали компетенцию генерал-прокурора Парижского парламента. Кроме того, в июле 1717 г. во время пребывания во Франции Петр I лично присутствовал на выступлении представителя прокуратуры – генерал-адвоката – в Парижском парламенте.

Вместе с тем, не вызывает сомнений, что ни сам Петр I, ни А. А. Матвеев, ни К. Н. Зотов заведомо не могли уяснить для себя полномочия французской прокуратуры в полном объеме – что требовало специальной юридической подготовки. По этой причине базисная для французской прокуратуры XIV–XVIII вв. функция уголовного преследования объективно не могла быть принята во внимание Петром I, что, в свою очередь, явилось одной из предпосылок для наделения российской прокуратуры в момент учреждения исключительно надзорными полномочиями

Что касается отечественных предшественников российской прокуратуры, то к таковым следует отнести, прежде всего, фискальскую службу и генерального ревизора Сената. Несмотря на то, что институт генерального ревизора не получил ни надлежащего нормативного регулирования, ни заметного развития на практике и просуществовал менее трех лет (1715–1718 гг.), это был первый опыт организации надзора за Правительствующим Сенатом.

Своеобразным отечественным предшественником прокуратуры явился также существовавший в 1719–1721 гг. институт понудителей. Учреждение института понудителей было связано с системной реорганизацией государственного аппарата Рос-

сии, форсированно развернувшейся в 1717–1720 гг. Проведение в жизнь подобной реорганизации не могло не вызвать резкого снижения эффективности работы государственных служащих. В обстановке непрерывных и недостаточно взаимосогласованных структурных преобразований тогдашние дьяки и подьячие до какой-то степени теряли управляемость, «выпадали» из пространства устоявшихся обязанностей, служебных традиций, формальных и реальных соподчиненностей.

В целях скорейшего преодоления подобной ситуации Петр I и учредил понудителей. Поставленная перед этими должностными лицами задача состояла в том, чтобы контролировать деятельность различных местных органов власти и заставлять («понуждать») их персонал скорейшим образом выполнять те или иные правительственные распоряжения. Для решения таковой задачи понудители получили широкие полномочия – вплоть до права взятия под стражу и содержания на цепи на рабочем месте нерасторопных служащих.

Вероятно, именно из опыта организации понудительского контроля оказался заимствован принцип прикрепления прокуроров не к территориям, а к поднадзорным органам власти. Непосредственно же основанию прокуратуры предшествовали экспериментальные по существу попытки Петра I организовать надзор за Сенатом путем возложения соответствующих полномочий сначала на главу сенатской канцелярии обер-секретаря А. Я. Щукина (1720 г.), а затем ежемесячно дежуривших в Сенате старших офицеров гвардии (1721 г.). Преемником сменного надзорного гвардейца стал уже генерал-прокурор.

В § 2 «Прокуратура России: формирование нормативной основы деятельности (1721–1723 гг.)» рассмотрены вопросы о круге законодательных актов, образовавших нормативную основу деятельности отечественной прокуратуры 1720-х гг., детально освещена история выработки закона «Должность генерала-прокурора» и главы «О должности прокурора» Адмиралтейского регламента.

В параграфе показано, что нормативная основа организации и деятельности новоучрежденной прокуратуры России сложилась в основном уже к середине 1722 г. Эту нормативную основу образовали: (1) законодательные и иные нормативные акты (или их разделы), специально посвященные как генерал-прокуратуре Сената, так и прокуратурам других органов власти; (2) нормативные акты, посвященные иной тематике, но регулировавшие отдельные стороны организации, статуса или компетенции

органов прокуратуры. К первой группе относились: закон «Должность генерала-прокурора» (в редакциях от 27 января 1722 г. и от 27 апреля 1722 г.), Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода от 13 июня 1722 г., именной указ об основании синодальной обер-прокуратуры от 11 мая 1722 г., глава 2 «О должности прокурора» образцового Адмиралтейского регламента от 5 апреля 1722 г., а также дополнившие «Должность генерала-прокурора» именные указы от 30 января 1723 г. и от 24 октября 1723 г.

Вторую группу составили: Табель о рангах от 24 января 1722 г., именной указ от 5 февраля 1722 г. (содержавший в частности предписание Сенату собираться на внеочередные заседания по требованию генерал-прокурора), Инструкция главе Московской конторы Сената от 6 апреля 1722 г. (в ст. 6 которой предусматривалось создание при конторе особой прокуратуры), закон «Должность Сената» в редакции от 27 апреля 1722 г. (в ст. 1–3 и 9 которого закреплялись в том числе и полномочия генерал-прокурора) и некоторые другие нормативные акты.

Основополагающий для российской прокуратуры XVIII в. закон «Должность генерала-прокурора» тщательно вырабатывался с участием Петра I, вероятно, с декабря 1721 г. Основой для подготовки названного закона послужил проект К. Н. Зотова от мая 1721 г. об учреждении в России должности «всенародного надзирателя или государственного стряпчего». В ходе подготовки «Должности...» российская генерал-прокуратура избавилась от фрагментарных уголовно-процессуальных полномочий, присутствовавших в первых редакциях законопроекта и восходивших к ее зарубежному прообразу – французскому *ministère public*.

В итоге, исходя из буквы закона «Должность генерала-прокурора», отечественная прокуратура оказалась наделена почти исключительно общенадзорными полномочиями и подчинена непосредственно главе государства. При этом объем надзорных полномочий генерал-прокуратуры ни в коей мере не предусматривал ее доминирования над Правительствующим Сенатом. Наиболее нечетко в «Должности...» были регламентированы взаимоотношения генерал-прокуратуры с фискальской службой.

Не вызывает сомнений, что Петр I стремился взаимодополнить деятельность прокуратуры и фискальской службы. Однако не менее очевидно, что весной 1722 г. формула подобного взаимодополнения у монарха так и не сложилась. Поэтому в «Должности генерал-прокурора» (даже в последней редакции) отразились, в сущ-

ности, промежуточные воззрения первого российского императора на отношения фискальского ведомства и новоявленной прокуратуры.

В противоположность невятно обозначенной межведомственной соподчиненности, сходство и различия в компетенции прокуроров и фискалов высвечивались, благодаря «Должности...», совершенно отчетливо. Исходя из положений закона от 27 апреля 1722 г., генерал-прокуратура заполучила идентичный с фискальским ведомством круг деятельности – общий надзор за соблюдением законности в. Другое дело, что прокуроры были призваны осуществлять надзор, во-первых, исключительно за государственными органами, а во-вторых, прокуратура, в отличие от фискалов, не была наделена функцией уголовного преследования.

В главе «О должности прокурора» Адмиралтейского регламента (составлявшейся также с участием Петра I) оказались по большей части воспроизведены положения закона «Должность генерала-прокурора». Неслучайно, в ст. 3 главы прокурор Адмиралтейской коллегии был наименован *«оком генерала-прокурора в сей коллегии»*. Что касается Инструкции обер-прокурору Синода от 13 июня 1722 г., то она явилась почти дословной копией «Должности генерала-прокурора».

Вместе с тем, нормативная основа деятельности российской прокуратуры первой трети XVIII в. осталась недоформированной. Это было связано с тем обстоятельством, что оказался не претворен в жизнь именной указ от 11 мая 1722 г. о подготовке новых редакций регламентов коллегий по образцу Адмиралтейского регламента. Во исполнение именного указа от 11 мая 1722 г. разработали новые редакции регламентов Штатс-контор-коллегия и Коммерц-коллегия.

Проект новой редакции Регламента Штатс-контор-коллегии, будучи направлен на рассмотрение Сената уже в ноябре 1722 г., так и не получил утверждения. А вот новая редакция Регламента Коммерц-коллегии обрела силу закона 31 января 1724 г. Но о прокуроре в новом Регламенте Коммерц-коллегии не было сказано ни слова (при всем том, что прокуратура Коммерц-коллегии начала функционировать уже в марте 1722 г.).

3 декабря 1723 г. был издан первый Регламент Мануфактур-коллегии. Однако и в этом законодательном акте о коллежской прокуратуре оказалось не упомянуто ни словом (хотя прокуратура Мануфактур-коллегии была организована в апреле 1722 г.). Что же касается Регламентов Военной, Вотчинной, Берг- и Юстиц-коллегий,

то таковые вообще не были изданы. В итоге, деятельность коллежских прокуратур (за исключением прокуратуры Адмиралтейской коллегии) осталась без специального нормативного регулирования. Не было издано и каких-либо нормативных актов, в которых регламентировалась бы полномочия прокуратур надворных судов.

В § 3 «Прокуратура России: организационная структура и персональный состав (1722–1727 гг.)» рассмотрены вопросы об организационном построении и кадровом обеспечении российской прокуратуры в 1720-е гг., а также изложены обстоятельства биографий первого генерал-прокурора П. И. Ягужинского и первого обер-прокурора Сената Г. Г. Скорнякова-Писарева – до назначения их в прокуратуру.

В параграфе показано, что в 1722 г. законодатель избрал для новоучрежденной российской прокуратуры двухчастную и двухуровневую организационную структуру. С одной стороны, была нормативно предусмотрена и воплощена на практике несоподчиненность генерал-прокуратуры Правительствующего Сената и обер-прокуратуры Святейшего Синода, что означало разделение прокуратуры на две структурно не связанные части – сенатскую и синодальную. С другой стороны, в сенатской части прокуратуры на практике сложилось формально-иерархическое равноправие прокуратур коллегий и прокуратур надворных судов (несмотря на то, что надворные суды подчинялись Юстиц-коллегии в административном отношении и являлись по отношению к ней нижестоящими судебными инстанциями). При этом сенатская и синодальная части прокуратуры оказались разновелики: если в подчинении у генерал-прокуратуры оказались прокуратуры коллегий, Главного магистрата и надворных судов, то в подчинении у обер-прокуратуры Синода – единственно прокуратура Монастырского приказа.

Кадровое укомплектование прокуратуры в основном завершилось к концу 1722 г., когда были назначены прокуроры в Сенат, Синод, во все коллегии, Главный магистрат, Монастырский приказ и в большинство надворных судов. Вполне сложившаяся к исходу 1722 г. отечественная прокуратура была численно невелика. На всю Россию тогда приходилось 20 прокуроров: 17 в центральных ведомствах и надворных судах, трое в Сенате и Синоде.

Всего за период с января 1722 г. по февраль 1727 г. состоялось 29 прокурорских назначений. На должностях прокуроров за отмеченный период перебивало в

общей сложности 26 человек (трое в генерал-прокуратуре Сената, двое в обер-прокуратуре Синода, 13 в прокуратурах центральных ведомств, восемь человек в прокуратурах надворных судов). Вместе с тем, необходимо признать, что российская прокуратура первой трети XVIII в. осталась недоформированной. Эта недоформированность выразилась, во-первых, в том, что законодатель не предусмотрел учреждение прокуратур при неколлегиально устроенных центральных органах власти и при специализированных судах по государственным преступлениям (Преображенском приказе и Тайной канцелярии), а во-вторых, что на протяжении 1722–1727 гг. не состоялось назначение прокуроров в ряд административных и судебных органов, где их присутствие было закреплено нормативно.

Назначение прокуроров не последовало в Московскую контору Сената, Коллегию иностранных дел и в пять гофгерихтов. Кроме того имело место фактическое невступление в должность назначенных в 1722 г. прокуроров Воронежского и Санкт-Петербургского надворных судов. И если в Воронежский гофгерихт в феврале 1725 г. все-таки последовало назначение нового прокурора, то Санкт-Петербургский надворный суд так и проработал без прокурора весь период существования.

По роду прежних занятий подавляющую часть прокуроров составили военнослужащие. К моменту назначения в прокуратуру воинские звания имели 24 человека, и лишь П. Б. Вельяминов и Т. К. Кутузов продолжали носить чин стольника. Гвардейских офицеров (реальных и номинальных) в прокуратуру попало восемь человек, причем двое (И. Ф. Козлов и М. С. Хрущев) прямо со строевых должностей в Семёновском полку.

Самых высоких воинских званий достигли к 1722 г. И. В. Болтин и И. В. Отяев, пришедшие в прокуратуру полковниками, а также Г. Г. Скорняков-Писарев, определенный в обер-прокуроры Сената в тройном звании бомбардирского капитан-поручика, гвардии майора и «полевого» полковника. С другой стороны, Федор Барятинский и Авдей Радищев стали прокурорами, будучи армейскими поручиками. Остальные прокурорские вакансии заполнили капитаны, капитан-поручики и три «полевых» майора (С. Ф. Корин, А. Т. Ржевский, Иван Синявин).

В 1722–1727 гг. законодатель не выработал к кандидатам на должности прокуроров никаких квалификационных требований. В свою очередь, в процессе формирования прокурорского корпуса в его состав не были включены ни имевшие наиболь-

шие практические навыки в законоведении выходцы из приказной среды, ни имевшие юридическую подготовку иностранные специалисты, длительно находившиеся на русской службе (каковым был, например, ассессор Юстиц-коллегии Э. Кромпейн). В итоге в прокурорский корпус 1722–1727 гг. вошли главным образом вчерашние строевые военнослужащие среднего и старшего офицерского состава. Более половины этих лиц не располагали даже минимальным опытом административной и судебной работы, а потому заведомо не могли иметь углубленного представления о системе действующего законодательства. Назначение таковых лиц на прокурорские должности значительно ослабляло эффективность их будущей деятельности по надзору за соблюдением законности.

По формальному статусу и опыту предшествующей службы значительная часть прокуроров 1722–1727 гг. уступала поднадзорным должностным лицам. Генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский уступал большинству или всем сенаторам по таким показателям как знатность, родственная связанность с царствующим домом, чиновный статус, длительность пребывания на государственной службе, совокупность военных, административных или дипломатических заслуг. Абсолютно взаимно несопоставимы были статус и влияние прокуроров и поднадзорных им президентов в Адмиралтейской, Военной и Берг-коллегиях, в Монастырском приказе, в Смоленском гофгерихте. Подобная ситуация также не могла не снижать эффективность надзорной деятельности соответствующих прокуратур.

Впрочем, дело было не в одних только фигурах руководящих должностных лиц, но и в объеме и специфике компетенции поднадзорного органа. В этом отношении тяжелее всех на прокурорском поприще, вероятнее всего, пришлось назначенному в Вотчинную коллегию А. Г. Камынину. 33-летний ветеран Полтавы и Гангута (из-за непрерывного пребывания в войсках ни разу, по всей очевидности, даже не вступавший в поместные тяжбы) Афанасий Камынин оказался в административно-судебном органе с вековыми традициями волокиты и кривосудия, в дебрях архаичного и несистематизированного вотчинного законодательства.

В § 4 «Прокуратура России: направления практической деятельности (1722–1726 гг.)» рассмотрен вопрос о практическом функционировании генерал-прокуратуры Сената, прокуратур коллегий и надворных судов в 1720-е гг. Особое внимание уделено освещению деятельности прокуратуры Юстиц-коллегии.

В параграфе показано, что на практике в 1722–1726 гг. российская прокуратура реализовывала главным образом нормативно закрепленные полномочия. Из направлений деятельности, не предусмотренных в законодательстве, генерал-прокуратура выполняла в описываемый период следственные функции, а также передавала Сенату высочайшие указы и повеления. Вместе с тем, масштаб реализации нормативно закрепленных полномочий прокуратуры оказался в действительности весьма различным.

В функционировании генерал-прокуратуры обращает на себя внимание весьма слабое воплощение на практике базисной функции надзора за Сенатом: на протяжении 1722–1726 гг. генерал-прокуратура подала всего два протеста на решения Сената. Оба этих протеста (обоснованные по существу) были внесены в Сенат в октябре 1722 г. обер-прокурором Г. Г. Скорняковым-Писаревым. Протестов же на решения Сената, которые генерал-прокуратура вынесла бы на рассмотрение императору, не состоялось вовсе ни одного. Отсутствие протестов на решения Сената со стороны генерал-прокурора П. И. Ягужинского может быть объяснено занятой им позицией целенаправленной бесконфликтности с сенаторами, обусловленной нежеланием ухудшать свое положение в правительственной среде.

Что касается прокуратур коллегий и надворных судов, то они проявили в 1722–1726 гг. в целом более высокую надзорную активность, нежели генерал-прокуратура, хотя и эти прокуратуры также различались по степени надзорной активности. Показателем в данном случае можно признать количество указов Сената, принятых в ответ на обращения тех или иных прокуроров (хотя все это было, конечно, только «верхушкой айсберга» прокурорской деятельности). Судя по указному сенатскому делопроизводству, наибольшую служебную активность проявил прокурор Юстиц-коллегии А. Т. Ржевский. По доношениям Александра Ржевского за первые три года существования прокуратуры Правительствующий Сенат издал, по меньшей мере, восемь указов.

Не давал сенаторам покоя и прокурор Московского надворного суда В. И. Гагарин. Имевший наибольший среди прокуроров административный и судебный опыт, Василий Гагарин упорно старался вникнуть в проблемы гофгерихта бывшей столицы, в существо разбивавшихся дел. По его доношениям Сенат издал четыре указа. Почти столь же активно проявил себя прокурор Штатс-контор-коллегии А. И. Жолобов.

Названные прокуроры систематически отслеживали функционирование поднадзорных органов власти, не опасаясь (в отличие от П. И. Ягужинского) в случае необходимости противостоять могущественным высшим администраторам.

А вот по доношениям прокуроров С. Д. Гурьева, А. Г. Камынина, И. Т. Камынина, И. Ф. Козлова, И. Т. Сафонова, М. С. Хрущева Сенат принял в 1722–1725 гг. только по одному решению. Остальные прокуратуры в Правительствующий Сенат в описываемое время, судя по всему, не обращались. Неизвестны сенатские указы, изданные в ответ на доношения прокуроров: Военной коллегии Е. И. Пашкова, Мануфактур-коллегии А. Ю. Бибикова, Главного магистрата Ф. А. Барятинского, Смоленского надворного суда А. Радищева, Ярославского надворного суда С. Ф. Корина.

Уже в самые первые годы существования российской прокуратуры в полной мере сложился механизм прокурорского реагирования. Первой стадией этого реагирования являлось устное указание руководству поднадзорного органа власти на факт нарушения закона, последней стадией – представление генерал-прокуратурой в Сенат доношения прокурора о соответствующем нарушении (или же прямое направление прокурором доношения в Сенат). В 1722–1726 гг. генерал-прокуратура вполне активно использовала нормативно закрепленное полномочие представлять в Сенат доношения нижестоящих прокуратур. Только за июнь 1722 – декабрь 1724 гг. по взошедшим через генерал-прокуратуру доношениям прокуроров коллегий и надворных судов Сенат принял 13 указов (по прокурорским доношениям, взошедшим напрямую – 10 указов).

Отчетливо (хотя и фрагментарно) реализовалось на практике право прокуроров выдвигать инициативы как по совершенствованию устройства и функционирования государственного аппарата, так и по социально-экономическим вопросам. С примечательными инициативами в 1722–1724 гг. выступили обер-прокурор Г. Г. Скорняков-Писарев, прокуроры В. И. Гагарин, А. Г. Камынин, И. Т. Камынин. Так, прокурор Вотчинной коллегии А. Г. Камынин в доношении в генерал-прокуратуру от 5 июня 1724 г. предложил принять меры по систематизации запутанного вотчинного законодательства – составить особую подборку действующих нормативных актов соответствующего содержания, не противоречащих Уложению 1649 г. (по современной терминологии, подготовить отраслевой инкорпорационный сборник). Что касается

П. И. Ягужинского, то он выдвинул ряд глубоких инициатив по социально-экономическим вопросам в 1725–1726 гг., уже после кончины Петра I.

Безусловно малоэффективным оказалось в реальности нормативно предусмотренное взаимодействие прокуратуры и фискальской службы. Если генерал-прокуратура вообще свела к минимуму соприкосновение с фискалами, то прокуратуры Юстиц-коллегии и надворных судов выступали в роли чисто бюрократических посредников между фискалами и поднадзорными органами правосудия, раз за разом ограничиваясь механическим представлением фискальских доношений.

В § 5 «Следственная деятельность генерал-прокуратуры. «Дело фискалов» (1722–1724 гг.)» рассмотрены вопросы о расследовании генерал-прокуратурой имевшего особый общественный резонанс «дела фискалов», а также о ликвидации прокуратуры в 1727 г.

В параграфе показано, что в период с марта 1722 г. по январь 1723 г., во исполнение указания Петра I, генерал-прокуратура Правительствующего Сената осуществляла предварительное расследование «дела фискалов» – уголовного дела по обвинению группы должностных лиц фискальской службы (включая главу службы А. Я. Нестерова) в преступлениях против интересов службы. Несмотря на то, что следственные полномочия не были закреплены за прокуратурой ни в одном нормативном акте, расследование «дела фискалов» производилось в полном объеме и принесло значительные результаты. Для осуществления расследования названного дела в структуре генерал-прокуратуры предположительно в июне 1722 г. было образовано специализированное следственное подразделение – следственная канцелярия, функционировавшая под непосредственным руководством генерал-прокурора П. И. Ягужинского и прокурора Военной коллегии Е. И. Пашкова.

Поскольку, начиная с сентября 1722 г. (после принесения исходным фигурантом дела бывшим провинциал-фискалом С. Ф. Попцовым обширной повинной), количество эпизодов и подследственных по «делу фискалов» начало стремительно увеличиваться, генерал-прокуратура оказалась вынуждена затрачивать на его расследование все более значительные усилия. Например, только по эпизодам, непосредственно касавшимся С. Ф. Попцова, на протяжении двух месяцев, с конца сентября по конец ноября 1722 г., в следственной канцелярии генерал-прокуратуры были допрошены 28 человек свидетелей и потерпевших.

В данной ситуации требовалось либо законодательно наделить генерал-прокуратуру полномочиями органа предварительного расследования (что означало бы изменение функциональной модели прокуратуры), либо изъять из ее производства «дела фискалов» (что грозило дезорганизовать расследование). В итоге, в январе 1723 г. Петр I принял компромиссное решение: преобразовать следственную канцелярию генерал-прокуратуры в Розыскную контору только что учрежденного Вышнего суда – с сохранением в ее производстве «дела фискалов» и с сохранением в качестве руководителя Е. И. Пашкова. Тем самым, в ходе расследования «дела фискалов» впервые в истории отечественной государственности оказались реализованы на практике сразу две модели построения следственного аппарата – прокурорская и судебная.

В октябре 1723 г. – январе 1724 г. глава Розыскной конторы направил в Вышний суд подборку итоговых процессуальных документов по пяти обвиняемым по «делу фискалов». Примечательно, что, помимо традиционных «выписок» (и их сокращенных версий – «экстрактов»), содержащих выстроенные по пунктам эпизоды обвинения по соответствующему фигуранту, в Розыскной конторе оказались подготовлены принципиально новые процессуальные документы, не встречавшиеся автору более ни в каких уголовных делах первой четверти XVIII в. В этих документах оказались соединены: краткое изложение эпизодов обвинения, квалификация этих эпизодов по действующему законодательству, а также предложения о назначении меры наказания. Таковой документ, являвшийся с точки зрения обобщения материалов следствия шагом вперед по сравнению с «выпиской» и «экстрактом», возможно считать прообразом современного обвинительного заключения, оформляемого следователем при передаче дела в суд.

Нельзя также не отметить, что прокурор Е. И. Пашков предпринял решительную попытку не допустить вынесения смертного приговора деятельно раскаявшемуся С. Ф. Попцову. По всей очевидности, обещавший Савве Попцову сохранение жизни в обмен на сотрудничество со следствием Егор Пашков в обвинительном заключении от 19 октября 1723 г. предложил назначить бывшему провинциал-фискалу наказание в виде двух лет каторжных работ с последующей пожизненной ссылкой. Столь либеральное (с учетом характера предъявленных обвинений) предложение глава Розыскной конторы обосновал тем, что иные подследственные *«взирая на милостивое исполнение [сохранение жизни С. Ф. Попцову]... могли к показанию вин*

признатца существом»⁶. В данном случае Е. И. Пашков предвосхитил появившийся в отечественном уголовном судопроизводстве лишь в 2009 г. институт «сделки с правосудием» (предоставление прокурору права заключать с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве)

Не вызывает сомнений, что если бы Петр I решился в 1723 г. придать генерал-прокуратуре полномочия органа предварительного расследования, то уже тогда в России могла сложиться функциональная модель прокуратуры, существующая в настоящее время (кроме того, российская прокуратура отчасти приблизилась бы тогда к ставшему ее прообразом французскому *ministère public*). Кроме того, наделение прокуратуры полномочиями органа предварительного расследования привело бы к окончательному вычленению стадии предварительного следствия в отечественном уголовном процессе, что, в свою очередь, означало бы построение передовой (по самым строгим европейским меркам) системы уголовного судопроизводства. Однако выработанные в ходе расследования «дела фискалов» формы организации следственного аппарата и стадийность построения уголовного процесса оказались слишком опередившими свое время, а потому не получили нормативного закрепления, а затем и оказались забыты до второй половины XIX – первой трети XX вв.

В **Заключении** обобщены итоги исследования и сделаны основные выводы. Наряду с этим, в Заключении кратко рассмотрены вопрос о том, какие органы власти России второй трети XVIII – начала XXI вв. могут быть типологически сопоставлены с фискальской службой, а также вопрос о том, как в последующей истории отечественной государственности произошло воссоздание созданной в ходе расследования «дела фискалов» прокурорской модели следственного аппарата.

Работу завершает список использованных архивных источников и литературы на русском, английском, немецком, французском и шведском языках. В качестве приложения к диссертационной работе помещены извлеченные из фондов трех федеральных архивов 57 документов 1713–1726 гг., отражающих различные аспекты организации и функционирования фискальской службы и прокуратуры России первой трети XVIII в.

⁶ РГАДА, ф. 248, кн. 274, л. 1028.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судоустройства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / публ. Д. О. Серова // Исторический архив. – 2000. – № 6. – С. 200-211. – 0,5 п. л.
2. Серов Д. Прокуратура и предварительное следствие / Д. О. Серов // Законность. – 2004. – № 12. – С. 44-46. – 0,3 п. л.
3. Серов Д. Противодействие взяточничеству в России: опыт Петра I (законодательные, правоприменительные и организационные аспекты) / Д. О. Серов // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 118-120. – 0,4 п. л.
4. Серов Д. О. Вневедомственный следственный аппарат России: замыслы и реальность / Д. О. Серов, А. К. Аверченко // Журнал Российского права. – 2005. – № 10. – С. 122-127. – 0,4 п. л.
5. Серов Д. О. Высшие администраторы под судом Петра I: из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. / Д. О. Серов // Известия Уральского государственного университета. – Сер. Гуманитарные науки. – 2005. – № 39. – С. 47-63. – 0,8 п. л.
6. Серов Д. Прокуратура России: начало пути / Д. О. Серов // Законность. – 2005. – № 12. – С. 28-30. – 0,3 п. л.
7. Серов Д. О. Фискальская служба России: зигзаги исторического пути (1711–1729 гг.) / Д. О. Серов // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер. Право. – 2005. – Т. 1, вып. 1. – С. 20-27. – 0,5 п. л.
8. Серов Д. О. Юстиц-коллегия: время и место основания / Д. О. Серов, В. Д. Сысоев // Закон и право. – 2005. – № 5. – С. 78-79. – 0,3 п. л.
9. «И по делам всем, что есть, следовать»: документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / публ. Д. О. Серова // Исторический архив. – 2006. – № 2. – С. 192-206. – 0,5 п. л.
10. Серов Д. О. Петр I как судебный деятель / Д. О. Серов // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер. История, филология. – 2007. – Т. 6,

вып. 1. – С. 28-34. – 0,4 п. л.

11. Серов Д. Фискалы на эшафоте / Д. О. Серов // Родина. – 2007. – № 11. – С. 75-79. – 0,4 п. л.

12. Серов Д. О. Polizeistaat Петра I: уральское претворение. Размышления о монографии Д. А. Редина «Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ» / Д. О. Серов // Известия Уральского государственного университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2008. – № 55. – С. 203-216. – 0,8 п. л.

13. Серов Д. О. Преображенский приказ: судьба в эпоху построения «полицейского государства» (1717–1724 гг.) / Д. О. Серов // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 1. – С. 77–84. – 0,5 п. л.

2. Монографии:

14. Серов Д. О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I / Д. О. Серов. – Новосибирск: Изд. Новосиб. ун-та, 1996. – 262 с. – 18,2 п. л.

15. Серов Д. О. Прокуратура Петра I (1722-1725 гг.): историко-правовой очерк / Д. О. Серов. – Новосибирск: Сибвузиздат, 2002. – 330 с. – 20,6 п. л.

16. Серов Д. Администрация Петра I / Д. О. Серов. – М.: ОГИ, 2007. – 288 с. – 18,0 п. л.

17. Серов Д. Администрация Петра I / Д. О. Серов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ОГИ, 2008. – 291 с. – 18,5 п. л.

3. Статьи:

18. Серов Д. О. П. Г. Васенко: материалы к библиографии (1899–1929) / Д. О. Серов // Герменевтика древнерусской литературы. XVII – начало XVIII вв. / отв. ред. А. С. Демин. – М.: ИМЛИ, 1992. – Сб. 4. – С. 419-429. – 0,45 п. л.

19. Серов Д. О. Г. И. Головкин и П. П. Шафиров в их взаимоотношениях (1706–1723 гг.) / Д. О. Серов // Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвященной 300-летию отечественного флота / отв. ред. Ю. Н. Беспярых. – Переславль-Залесский: б. и., 1992. – Вып. 1. – С. 122-131. – 0,6 п. л.

20. Серов Д. О. Основатель Санкт-Петербургской типографии цейхдиректор Михаил Аврамов и его записки / Д. О. Серов // Мера: литературный, историко-ху-

дожественный, религиозно-философский журнал. – СПб., 1994. – № 1. – С. 130-144. – 0,75 п. л.

21. Серов Д. О. Подьячий И. Ю. Юрьев, забытый историк XVIII столетия / Д. О. Серов // *Studia Humanistica*. 1996: исслед. по истории и филологии / отв. ред. Ю. Н. Беспярых. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. – С. 122-136. – 0,7 п. л.

22. Серов Д. О. Холоп во власти: круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова / Д. О. Серов // *Социокультурные исследования*. 1997: сб. ст. / отв. ред.: Е. А. Тюгашев. – Новосибирск: Изд. Новосиб. ун-та, 1997. – С. 20-55. – 1,3 п. л.

23. Serov D. Заметки о жизни асессора Осипа Соловьева / D. Serov // *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century* = Россия и Нидерланды в XVIII веке / ed Emmanuel Waegemans. – Groningen: Instituut voor Noord-en Oost-Europese Studies, 1998. – P. 97-109. – (Baltic Studies; N. 5). – 0,6 п. л.

24. Серов Д. О. Региональный администратор в борьбе с международной преступной группировкой: А. А. Курбатов и дело братьев Соловьевых (1713–1721 гг.) / Д. О. Серов // *Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв.: тез. докл. регион. науч. конф.* / отв. ред. В. И. Шишкин – Новосибирск: б. и., 1996. – С. 10-17. – 0,5 п. л.

25. Серов Д. О. Из жизни Д. А. Соловьева, архангелогородского обер-комиссара / Д. О. Серов // *Архангельск в XVIII веке* / сост. и отв. ред. Ю. Н. Беспярых. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997. – С. 250-257. – 0,3 п. л.

26. Серов Д. О. Процесс П. П. Шафирова 1723 г.: юридические аспекты / Д. О. Серов // *Псковская судная грамота и российская правовая традиция: труды меж-регион. науч. конф., посвящ. 600-лет. юбилею Псковской судной грамоты* / отв. ред. И. Я. Фроянов. – Псков: Возрождение, 1997. – С. 66-69. – 0,4 п. л.

27. Серов Д. О. Из истории кадровой политики Петра I: фискал-еретик Михаил Косой / Д. О. Серов // *Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков: матер. III регион. науч. конф.* / отв. ред. С. А. Красильников. – Новосибирск: б. и., 1998. – С. 166-175. – 0,5 п. л.

28. Серов Д. О. «Регулярное государство» в поисках организационных форм противодействия должностной преступности: следственная канцелярия М. И. Вол-

конского (1713–1715 гг.) / Д. О. Серов // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков: матер. IV регион. науч. конф. / отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: б. и., 1999. – С. 157-162. – 0,5 п. л.

29. Серов Д. «И сочиняет у себя бабьи игрища...». Из жизни Григория Скорнякова-Писарева, бомбардира и обер-прокурора / Д. О. Серов // Родина. – 2000. – № 5. – С. 101-105. – 0,4 п. л.

30. Серов Д. О. Забытое учреждение Петра I: Вышний суд (1723–1726 гг.) / Д. О. Серов // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой / отв. ред. А. А. Преображенский. – М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. – С. 219-237. – 0,8 п. л.

31. Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) / Д. О. Серов // Ораниенбаумские чтения: сб. науч. ст. и публ. – СПб.: б. и., 2001. – Вып. 1. – С. 79-93. – 0,9 п. л.

32. Серов Д. О. Воронежские губернские администраторы в криминальной истории России первой четверти XVIII в. / Д. О. Серов // Из истории Воронежского края: сб. ст. / отв. ред. А. Н. Акиншин. – Воронеж: ВГУ, 2002. – Вып. 10. – С. 49-63. – 0,6 п. л.

33. Серов Д. О. Прутский поход 1711 г.: аспекты несостоявшейся катастрофы / Д. О. Серов // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762): сб. матер. всерос. науч. конф. / отв. ред. В. М. Крылов. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2002. – Вып. 2. – С. 44-51. – 0,7 п. л.

34. Серов Д. О. Прокуратура Адмиралтейской коллегии: из истории основания и первоначальной деятельности (1722–1726) / Д. О. Серов // VICTORIA. GLORIA. FAMA: матер. междунар. науч. конф. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2003. – Ч. 3. – С. 89-92. – 0,35 п. л.

35. Серов Д. О. Юстиц-коллегия и органы надзора / Д. О. Серов // Российская Юстиц-коллегия (1718–1786): историко-правовые очерки / под ред. В. Д. Сысоева. – М.: НОРМА, 2003. – С. 91-111. – 0,6 п. л.

36. Серов Д. О. Прокуратура в системе государственных учреждений Российской империи (1722–1727 гг.) / Д. О. Серов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. В. Ф. Воловича. – Томск: Изд. ТГУ, 2003. –

Ч. 15. – С. 159-163. – 0,4 п. л.

37. Серов Д. О. Понудители (из истории чрезвычайного контроля в России первой четверти XVIII в.) / Д. О. Серов // «Мы были!». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха: матер. всерос. науч. конф. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2004. – Ч. 2. – С. 74-76. – 0,3 п. л.

38. Серов Д. О. Организация контроля за государственным аппаратом: российский опыт первой четверти XVIII в. / Д. О. Серов // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства на современном этапе: матер. всерос. научно-практич. конф. – М.: РПА, 2004. – С. 313-315. – 0,35 п. л.

39. Серов Д. О. Историографическая деятельность Посольской канцелярии в конце 1710-х – начале 1720-х гг. / Д. О. Серов // Книга в России XI–XX вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. В. П. Леонов. – СПб.: БАН, 2004. – Вып. 21. – С. 88-92. – 0,35 п. л.

40. Серов Д. О. Малоизвестная страница истории военной юстиции России: процесс Я. Ф. Долгорукова (1718) / Д. О. Серов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: матер. всерос. науч.-практ. конф. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. – Ч. 3. – С. 57-60. – 0,4 п. л.

41. Серов Д. «Палач взялся за топор...»: сенаторы и губернаторы под судом Петра I / Д. О. Серов // Родина. – 2006. – № 8. – С. 27-32. – 0,4 п. л.

42. Серов Д. Фискалы и прокуроры Петра I / Д. О. Серов // Петр Великий / сост. и ред. Е. В. Анисимов. – М.: ОГИ, 2007. – С. 116-136. – 0,8 п. л.

43. Серов Д. О. Подготовка судебной реформы Петра I: концепция, зарубежные образцы, законотворческий процесс / Д. О. Серов // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. – 2007. – № 5. – С. 813-828. – 0,5 п. л.

44. Серов Д. О. Сколько было судебных реформ в истории России? (Опыт историко-правового анализа) / Д. О. Серов // Россия как цивилизация: сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Донских. – Новосибирск: ИД «Сова», 2008. – С. 197-236. – 1,4 п. л.

45. Серов Д. О. Зарождение судейского корпуса России (из истории судебной реформы Петра I) / Д. О. Серов // Россия и мир. Панорама исторического развития: сб. науч. ст. / отв. ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург: НППМ «Волот», 2008. – С. 552-560. – 0,5 п. л.

46. Серов Д. О. Судоустройство и судопроизводство России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) / Д. О. Серов // Проблемы истории России: сб. науч. тр. – Екатеринбург: НППП «Волот», 2008. – Вып. 7. – С. 92-138. – 1,3 п. л.

47. Серов Д. О. Зарождение системы судов общей юрисдикции в России (из истории судебной реформы Петра I) / Д. О. Серов // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. – 2009. – № 1. – С. 83-94. – 0,5 п. л.

48. Серов Д. О. Особенности уголовного процесса России конца XV – первой четверти XVIII в. / Д. О. Серов // Журнал Российского права. – 2009. – № 9. – С. 96-103. – 0,5 п. л.